

Марина Москвина

УЧИСЬ ВИДЕТЬ

Уроки творческих взлетов

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Марина Москвина

УЧИСЬ ВИДЕТЬ

Уроки творческих взлётов

Издательство «Манн, Иванов и Фербер»
Москва, 2014

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Оглавление

<i>От автора</i>	7
<i>Глава 1. Может, вас поразило... ухо?</i>	15
<i>Глава 2. Золотое правило нашего ремесла</i>	25
<i>Глава 3. Железное правило нашего ремесла</i>	33
<i>Глава 4. Чукча — не читатель</i>	41
<i>Глава 5. Барабаны и мандарины</i>	49
<i>Глава 6. Назгулы, скачущие сквозь ночь</i>	59
<i>Глава 7. Автор в законе</i>	67
<i>Глава 8. Не совсем пропащий человек</i>	79
<i>Глава 9. «Удиви меня!»</i>	89
<i>Глава 10. «Сейчас в Мадриде золотая осень»</i>	97
<i>Глава 11. «До-остать такелаж!!!»</i>	105
<i>Глава 12. Давайте помолчим?</i>	117
<i>Глава 13. Взять интервью у премьер-министра!</i>	125
<i>Глава 14. «...И гора родила мышь?»</i>	133
<i>Глава 15. «Светился мир — для нас непостижимый»</i>	145
<i>Глава 16. «Здравствуй, деточка, здравствуй!..»</i>	153
<i>Глава 17. Песня, от которой изменится вся ваша жизнь</i>	163
<i>Глава 18. Стучат молоточки</i>	171
<i>Глава 19. Мумия на антресолях</i>	183

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 20. «Что вы записываете в своем дневнике? Ведь ничего же не происходит!..»	191
Глава 21. «Люблю я карих лошадей»	201
Глава 22. Дневник на стол!	209
Глава 23. Поцелуй через бочку с солеными огурцами	217
Глава 24. Хармс... Чармс... Чардамс...	229
Глава 25. Кроме основной работы он еще и пропагандист	241
Глава 26. «Лягушка посадишь — лягушка выйдет!»	249
Глава 27. Кусочек масла	257
Глава 28. «Чё-то мой Аркашка грибницу не ест»	267
Глава 29. В ноябре вдруг пошел снег	279
Глава 30. Чайка Джонатан Ливингстон	283
Глава 31. «Давай, поднимайся по лучу»	291
Вся моя жизнь — подарок на день рождения	
Шаши Мартынова. Интервью с Мариной Москвиной для журнала «ИНЭЙТ»	295
«Кто услышит раковины пенье, бросит берег и уйдет в туман...»	
Анна Эпштейн, Наталья Дрошнева, Елена Фортуна.	
Интервью с Мариной Москвиной для «Новой газеты», газеты «Первое сентября», журнала «Родные люди»	307
«Жизнь летит, как ракета, а мы — как Гагарин с Титовым!»	
Ксения Молдавская. Интервью с Мариной Москвиной и Леонидом Тишковым для «Книжного обозрения»	315
Вредно не мечтать	
Мария Третьякова. Интервью с Мариной Москвиной для «Российской газеты»	321
Писатель солнечной породы	
Вера Копылова. Интервью с Мариной Москвиной для газеты «Московский комсомолец»	327
Ответы на вопросы читателей газеты «Книжное обозрение»	339

Глава 4

Чукча — не читатель

Я никогда не мечтала быть детским писателем. Что это за профессия, думала я, ни то ни се. В детстве я любила читать вполне взрослые книжки вроде Майн Рида или Жюль Верна, Вальтера Скотта или Фенимора Купера. А когда я вырасту, я думала, то буду просто искателем приключений. Стану путешествовать по всей Земле, встречать разных людей, пройду огонь, воду и медные трубы, а в глубокой старости я собиралась сесть в кресло у камелька, пропустить стаканчик грога, раскурить свою капитанскую трубку и рассказывать внукам о прожитой жизни, наполненной героическими подвигами.

Правда, я никак не могла дожждаться старости и прямо в детстве так и норовила рассестись у камелька, раскурить трубку и уже начать свои рассказы. Ведь каждый день со мной происходили сногшибательные события, о которых я готова была немедленно поведать миру, безбожно привирая, себя, разумеется, помещая в центр Вселенной, и эта черта — о ужас! — осталась у меня до сих пор.

И вот однажды мне в руки попадает книга рассказов Юрия Сотника: «"Архимед" Вовки Грушина», «Как я был самостоятельным», «Гадюка»... Я лениво начинаю листать, так, от нечего делать вчитываюсь и постепенно обнаруживаю, что эта книга... о моей жизни!

В точности такие ребята, как я, там дружат, врут, дерутся, сбиваются с ног в поисках какой-то неведомой птицы, строят подводную лодку, чуть ли не тонут в ней, попадают в глупейшие положения, но стараются выйти из них как можно достойнее, различными способами испытывают себя на храбрость — короче, писатель Юрий Сотник мне протянул тогда свою руку, и я ее с благодарностью пожала.

Тогда, я это отлично помню — пришла мне в голову мысль, что, наверное, тоже когда-нибудь стану писателем.

Потом я выросла и сто раз могла забыть об этом, правильно? Но нет! В один прекрасный день я забросила все свои серьезные дела и отправилась в литобъединение при Союзе писателей.

И тут выясняется, что ведут эту студию чудесный поэт Яков Аким и... Юрий Сотник!!! Вот это было здорово, когда ты мог не только видеть вблизи любимых писателей твоего детства, но и раз в неделю выслушивать их суровые речи.

Они были страшно суровы с нами, на всякий пожарный, чтоб мы не подумали, что, мол, детский писатель — это «сю-сю-сю» или «тяп-ляп».

Помню, одна поэтесса читала свое стихотворение, там у нее какие-то «девчушки» никак не могли изловить «солнечного зайчишку».

Юрий Сотник был к нам более снисходителен, чем Яков Аким.

— Что ж, в этом стихотворении есть «скелет», — сказал Юрий Вячеславович. — И по мысли ничего. Только слишком уж много уменьшительно-ласкательных суффиксов.

А Яков Аким:

— Юрий Вячеславович — рентгенолог, он усмотрел «скелет». Я же, кроме «девчушек» и «зайчишек», не вижу ничего.

— Но я ведь начинающая, — обиженно сказала поэтесса.

— Начинающий, — ответил Яков Аким, — должен начинать не с нуля, а с того хорошего, что было уже написано.

Я всегда вспоминаю его слова, когда обрушиваю на ваши головы целые миры, о существовании которых вы, как правило, ничего не слыхали. Сначала мы в поте лица своего наверстываем упущенное: читаем рассказы Николая Носова «Мишкина каша», «Фантазеры», «Тук-тук-тук», «Живая шляпа». Виктора Драгунского «Он живой и светится», «Где это

видано, где это слыхано...», «Англичанин Павля»... Ну как же, как же вы ухитрились вырасти, не читая «Денискины рассказы»? Так и хочется вам сказать: растите обратно! Пока не прочитаете — не становитесь взрослыми! Иначе вы можете стать не такими взрослыми, какими следует, и вся жизнь пойдет наперекосяк.

У нас в университете античную литературу преподавала великая Елизавета Кучборская, маленькая, всегда в черном платье, я помню, как она, вскинув голову, трагически скрестив руки на груди, стояла на сцене огромной «коммунистической» аудитории и говорила такие слова:

— Человек, не читавший Гомера, даже НА ВИД отличается от человека, который Гомера читал.

Так и человек, не читавший «Денискины рассказы» Драгунского! Да у меня сынок Серёня, когда был маленький, как заболит, ляжет в постель, настроение у нас с ним хуже некуда.

— Доставай «Двадцать лет под кроватью»! — говорит Серёня.

Этот рассказ Виктора Драгунского — жаропонижающий. Я даю вам честное слово: когда мы хохотали над тем, как Дениска засел под кроватью у Ефросиньи Петровны, у моего Серёни понижалась температура. И это неудивительно: Виктор Драгунский был по профессии клоун.

А Виктор Голявкин?! О боги! Как так получилось, что вы не читали безумно смешные рассказы писателя Голявкина? Там одна девочка все время опаздывала на урок. Уже все причины выдвинула, использовала все оправдания: автобус не пришел, будильник не зазвенел... Ну и решила что-то преподнести оригинальное и с препечальным видом сообщила учителю, что у нее брата шкафом задавило. Учитель чуть со стула не упал: «Как так?» — «Мама двигала шкаф и не заметила, как задавила сына...»

Приходит мама в школу, учитель ей с большим сочувствием: «Я знаю, у вас беда...» Она: «Какая беда?» Он: «У вас сына шкафом задавило». Она: «Вы что, с ума сошли?»

Ну и так далее.

Всю «Золотую библиотеку», когда-то выходившую в издательстве «Детская литература», вы обязаны прочитать, если хотите иметь со мной дело. Такие толстые красные книги в твердом переплете, где золотым — по красному: Юрий Сотник «Невиданная птица», Лев Кассиль «Кондуит и Швамбрания», Яков Аким «Девочка и лев», Валерий Медведев «Баранкин, будь человеком!», Юрий Яковлев «Багульник», Борис Житков «Избранное»...

Кстати, когда я училась на факультете журналистики на третьем курсе, мне приятель предложил подзаработать.

— Напиши, — он говорит, — моей подружке диплом. Она оканчивает филологический факультет МГУ, и ей надо быстро накатать о писателе Борисе Житкове.

Этой девушке несказанно повезло, вскоре она с отличием защитила мой диплом, потому что я как открыла «Морские рассказы» Бориса Житкова, так и влюбилась в него и позабыла обо всем на свете. Это был потрясающий человек! Чем только он не занимался с дикой страстью: музыкой, ботаникой, астрономией, учился играть на скрипке, ставил балеты в знаменитых русских операх, изучал звездное небо. Учился на математическом, потом на естественном отделении университета, окончил и начал учиться снова — на кораблестроителя. Участвовал в гонках яхт, пешком обошел юг России, стал штурманом дальнего плавания. Отправился в экспедицию на Енисей, обследовал его до самого устья, до Ледовитого океана, изучил енисейских рыб. Что интересно, судно для этой экспедиции ему прислали в разобранном виде — доски, части корпуса, куски надстроек... Борис Житкову пришлось собирать судно самому вместе с ярославскими плотниками, которые и лодки-то простой ни разу не строили.

Борис Житков объехал всю планету, побывал в кругосветном плавании, на корабле прошел путь от юнги до помощника капитана. Ему доверили в Англии, как абсолютному эксперту в этом деле, принимать или не принимать от английских заводов моторы для самолетов и подводных лодок!

Глава 4
ЧУКЧА —
НЕ ЧИТАТЕЛЬ

В конце концов этот человек становится писателем. Можете представить, какая получилась проза — а он был талантливейшим прозаиком, это сразу понял Самуил Маршак. Именно Маршак потребовал от Бориса Житкова, чтобы тот рассказал, что пережил в своих странствиях по жизни.

У каждого писателя есть свой любимый герой, как человечек Никодим, сшитый мною по образу и подобию художника Леонида Тишкова. Его можно помещать в реальный и вымышленный мир. А главное, полностью с ним отождествиться, раздвинув до бесконечности собственные границы.

Горы вдали как рисунок тушью
Человечек на журавле верхом
Летит над синими горами
Кто-то внизу поднимает голову
Кто — не вижу, не успеваю увидеть

Фото Натальи Силаевой

Я умоляю вас прочитать «Три толстяка» Юрия Олеши. Не посмотреть по телевизору, хотя фильм получился замечательный: Тибул — Алексей Баталов, доктор Гаспар Арнери — Валентин Никулин, его экономка — Рина Зеленая... Но почитайте, вы увидите своими глазами, как пишутся такие удивительные, культовые, легендарные вещи. Юрий Олеша — особая фигура в русской литературе. У него была такая ответственность перед словом, будто бы от этого зависела жизнь людей, как у Бориса Житкова, когда он принимал моторы для самолетов и подлодок.

Однажды в буфете Центрального Дома литераторов к Олеше подошел знакомый писатель и спросил:

— Юрий Карлович! Вы почему так мало написали? Все, что вы написали, я могу прочитать за одну ночь...

— А я, — мгновенно ответил остроумный Олеша, — могу за одну ночь написать все, что вы написали.

Потом мы читаем с вами «Зависть» Олеши, «Ни дня без строчки» — все это учебная для нас с вами литература, нельзя стать полноценным пишущим человеком, не встретившись с ней в жизни, будет всегда чего-то не хватать, как иногда не хватает организму белков или витамина С.

Мы читаем Юрия Казакова — сначала его пронзительного «Арктур — гончего пса», дивную акварельную вещь «Голубое и зеленое», чуть позже — «Во сне ты горько плакал». Нет у этого писателя многотомного собрания сочинений. Но все, что он написал, — на вес золота.

«Волчик, волчишка» Вадима Чернышева — обязательно! «Белый Бим Черное ухо» Гавриила Троепольского — плачьте, а читайте. Единственный случай, когда Государственная премия по детской литературе была присуждена писателю, пишущему о природе, произошел давным-давно. Это был достойнейший Николай Сладков.

Я хорошо была знакома с Николаем Ивановичем Сладковым — таким великим знатоком птиц, зверей, деревьев и трав, что когда мы однажды сидели с ним в кино, шел какой-то американский детектив — погоня,

убийство, расследование, еще минута, и выяснится, наконец, кто убийца, Николай Иванович вдруг наклонился ко мне и шепотом сказал:

— Слышишь? Слышишь? Во дворе у шерифа поет певчий дрозд...

Глубоким знатоком нашей планеты во всех ее подробностях и деталях был Юрий Коваль. Мы постоянно будем возвращаться к его прозе — читать и перечитывать рассказы «Алый», «Листобой», «Кепка с карасями», повести «Недопесок», «Пять похищенных монахов», «Самая легкая лодка в мире»...

Много больших и маленьких радостей на каждом шагу подстерегает нас в книжках Ковалю. Они написаны по тем законам и заповедям блаженства, о которых говорил писатель Виктор Шкловский в своей «Теории прозы». (Почитайте книжку Виктора Шкловского — пригодится!)

Проза, говорил он, родилась около костров — остановок в пустыне. Разговоры на палубе, разговоры в ожидании, когда же, наконец, придет корабль, разговоры о самом замечательном и страшном в жизни человека. Прозой разговаривали усталые люди, и надо было сохранить внимание слушателя.

Мы будем вслух произносить вслед за Юрием Ковалем: «БИДОН ПАДАЛ В ПРОПАСТЬ, СЛОВНО ОГРОМНЫЙ СИЯЮЩИЙ СВИСТОК...», «Я ПЛЫЛ ПО ЯЛМЕ...», «КУМ ОКУЧИВАЛ КАРТОШКУ...», «ТОЛЬКО ОГНЕННЫЙ КАПИТАН КЛЮКВИН ВЕСЕЛИЛ ГЛАЗ»...

Вы чувствуете? Будто камешки перекатываются во рту, когда мы произносим эти фразы. Как слово «Клюквин» подлетает к небу, до чего оно славное на вид и заслуживающее внимания уха.

Нет, ни за что мы с вами не возьмем пример с печально известного чукчи из старого доброго анекдота. Если кто не в курсе — чукча сдает вступительный экзамен в Литературный институт. Его спрашивают: «Льва Толстого “Войну и мир” читал?» Он: «Нет». — «А “Преступление и наказание” Достоевского?» — «Нет». «А “Мертвые души” Гоголя?» Тогда он отвечает им гордо:

— Чукча не читатель, чукча — писатель!..

Мы будем с вами принципиально иными чукчами.

Глава 5

Барабаны и мандарины

В чем радость творчества? Во внутренней свободе! Поэтому когда вы решили что-то написать, садитесь и пишете без оглядки. Не останавливайтесь. Один мой приятель рассказывал, как его отец, известный таджикский писатель, сидел за столом и что-то сочинял, когда в Душанбе началось землетрясение. Все выбежали из дома — есть такое правило в районах с повышенной сейсмической опасностью. Но он не двинулся с места. Над ним раскачивалась люстра, пол, стены ходили ходуном, а он спокойно сидел за письменным столом и занимался своим делом. Когда опасность миновала, он, радостный, вышел семье навстречу и очень удивился, почему все такие встревоженные, а на полу валяются упавшие со стен картины.

Нырять глубже в самого себя, ищите в себе Творца и любыми возможными способами увиливайте от террора внутреннего редактора и контролера.

На первых порах внутренний редактор — это наш страх быть искренним. Что-то клокочет и хочет вырваться из самого сердца, но контролер не позволяет. «Ну и что в этом хорошего? — он спрашивает с упреком. — Зачем об этом кричать на целый мир? Что о тебе после этого подумают?»

Внутренний контролер сглаживает острые углы, полирует рельеф события и ощущения, гасит ослепительную яркость красок и всему норовит придать благопристойный вид.

Смело говорите, что вы хотите сказать. Не беспокойтесь, правильно это или нет, вежливо ли, уместно ли. Пусть это выплеснется наружу. Пишите о близком, о пережитом, о том, что накопело. Поймите интонацию, которой вы разговариваете с самим собой, и шпарьте!

Я бы даже вот так сказала: не думайте.

У меня Артем Опарин третью работу на вольную тему пишет про «мандарину». Он так и называет почему-то этот фрукт — «мандарина». А чтобы не показаться однообразным, он эту «мандарину» разбавляет барабанами.

И вот он опять встает и торжественно читает заглавие своей новой вещи:

БАРАБАНЫ И МАНДАРИНЫ

«Я, наверное, уже всех задолбал, — читает Артем, — но я очень люблю две вещи: Барабаны и Мандарины. И ничего тут не поделаешь. Ну что же тут можно поделать? Можно только наслаждаться этим.

И все».

Молодец, Артем! Кайф в нашем деле — главное. Как говорят мудрецы, вообще надо поближе держаться к людям, которые находятся в любовных отношениях с Жизнью.

А пишущий человек в этом смысле просто совесть должен иметь: в мире и без него так много уныния и печали. Вы оглянитесь вокруг: мало кто не погружен в тоску и меланхолию. А, между прочим, уныние — точно такой же смертный грех, как и пустословие.

Корней Чуковский говорил, что сочинял стихи только в те редкие моменты, когда бывал по-настоящему счастлив.

Сказочник Сергей Седов ему вторит: «Праздником нужно делиться! Одним только праздником, и больше ничем».

А если ты берешь трагическую тему, она должна быть так исполнена, чтоб очищала душу, а не погружала в беспросветное уныние. Это великое искусство. Им в совершенстве владели древние греки.

Мы же с вами покуда просто попробуем расслабиться перед пугающим своей белизной листом бумаги. Мы отпускаем себя и пишем все, что нам в голову взбредет, не выбирая выражений.

Лена Птицына

ПУСЯ

Однажды летом, когда мы поехали на дачу, папа попросил своего друга дядю Пашу перевезти нас на машине. У дяди Паши на стекле машины была приклеена бумажка с надписью «В ремонт!» Никто этому не придал значения, мы загрузились и поехали.

Мы мчались по Садовому кольцу, когда нам стали все гудеть и выразительно вертеть пальцем у виска. Они нам вертят, а дядя Паша — им, пока у нас на полном ходу не отвалилось колесо. Машина резко затормозила, а мы все завопили, включая нашего кота Пусю, который до того напугался, что сделал свои дела в сумку.

Вот и вся история. Не знаю — это произведение искусства или нет.

Произведение, Ленка! Голову даю на отсечение — произведение! Все есть: интригующая завязка, леденящая кровь кульминация и запоминающийся финал. Если б ты не была такой лентяйкой, ты бы могла стать писательницей не хуже Надежды Тэффи. Борись с ленью!

Евгений Сабельфельд

ТРУДНЫЙ НЕМЕЦКИЙ

Прошлой осенью мы с другом ездили в Германию по туристической путевке. Там познакомились с хорошими девушками и пригласили

их в кафе. Нам принесли кофе, сахарницу, мы спрашиваем у девушек:

— Вам сколько сахара?

Они говорят:

— Найн!

Я понял: «найн» — это девять, мы в школе с другом английский учили. И я им в чашки набухал по девять кусков.

Они надулись, кофе пить не стали, вообще потеряли к нам всякий интерес.

Потом мы узнали, что «найн» по-немецки значит «нет».

Евгений, да! Я просто онемела, когда услышала этот рассказ. Надо же — с самого первого раза — выдать такой короткий и завершённый сюжет!.. Молодец.

Света Собянина

КАК МЫ БРАЛИ ИНТЕРВЬЮ У КАРИКАТУРИСТОВ

Наша очередная охота за «натурой» началась обычно: Марина объявила, что мы идем на выставку карикатуристов. Каждому из нас предполагалось по карикатуристу. Договорились брать по одному, пока те не выпили.

Зашли на выставку — кругом полно народу. Все карикатуристы, как положено, лысые или бородатые. Стол накрыт, шведский не шведский, но с него-то мы и начали. Наш брат втиснулся между бородатыми и лысыми и, протягивая друзьям то бутерброд с рыбкой, то с колбаской, на картины обращал внимание как бы между прочим, в дополнение к еде.

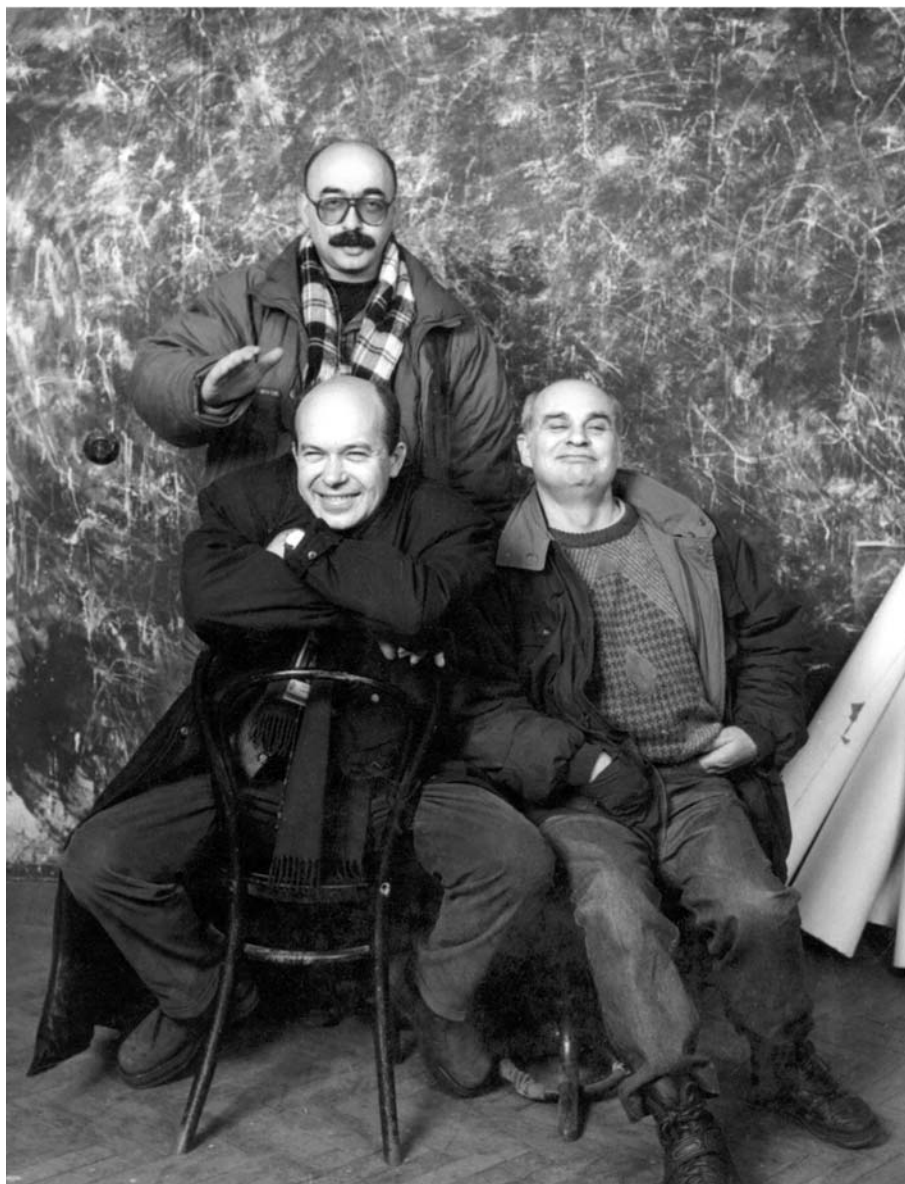
Как-то раз просветленного Учителя Ошо, который был лыс и любил носить вязанные шапочки, спросили:

— Правда ли, что все просветленные — лысые?

На что остроумный Ошо ответил:

— Это лысые распространяют такие слухи.

Означает ли фотография мастера фотопортрета Валерия Плотникова, где запечатлены выдающиеся карикатуристы Олег Теслер, Сергей Тюнин и Андрей Бильжо, что все лысые мужчины могут стать неплохими карикатуристами? Нет, не означает.

Явно пришло время кого-то «брать», но художники выпивали, а мы закусывали. Сквозь клубы сигаретного дыма я вдруг увидела длинного сутулого человека, которого наши вели в другую комнату. Это был знаменитый карикатурист Виталий Песков. Он что-то жевал на ходу и почти упирался, не понимая, чего от него хотят. Затем он уселся с сигаретой на шаткий стул, положил ногу на ногу и поначалу не хотел говорить о себе ничего и н т е р е с н о г о. Но потом разговорился так, что, когда его отпустили, еще три раза подходил к нам, просил включить диктофон, брал микрофон и сообщал все новые и новые сведения о своем жизненном и творческом пути. Дело кончилось тем, что он пригласил нас к себе на дачу на шашлыки.

Кстати, во время интервью к нам в подсобную комнату постоянно заглядывали разные люди с недовольными лицами. Видимо, завидовали и мечтали, чтоб мы у них тоже спросили о жизни и творчестве.

Но им в тот вечер не так повезло, как счастливчику Пескову.

Виталий Песков, блистательный карикатурист, автор многих тысяч веселых философских рисунков: одна из последних фотографий его жизни — на выставке карикатуры. Говорят, он в день рисовал по 15–20 великолепных картинок. Супер-наблюдательный человек, один из остроумнейших людей нашего времени, Песков пронизывает нас истинным взглядом карикатуриста, высвечивая сквозь оболочку обыденности скелет реальности. Он конструировал мир абсурдный, смешной, но глубоко правдивый, вот в чем дело. Незадолго до ухода Виталия в «Литературной газете» была напечатана его карикатура. Больной спрашивает у врача: — Доктор! Я буду жить? — А смысл? — задумчиво отвечает врач.

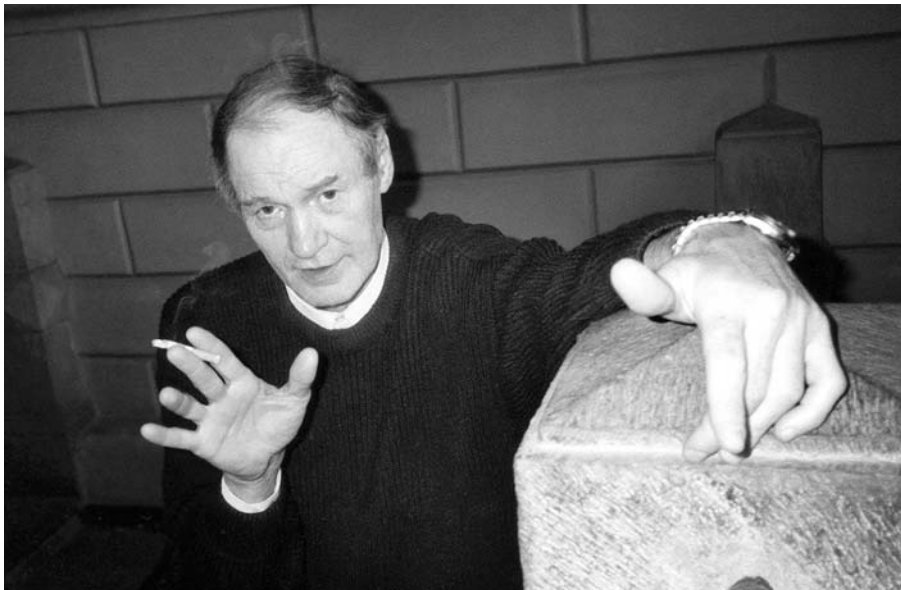

Фото Леонида Тишкова

Света Собянина — это моя гордость. «Натура» поначалу ускользала от нее, но вскоре она поняла, что увлекательные сюжеты, разбросанные повсюду, — лишь только нагнись и подними! — плюс юмор — вот два могучих кита, на которых стоит детская литература. Так говорил Юрий Коваль.

«С уважением думаю об этих китах, — писал Юрий Коваль, — кланяюсь им, и особенно “киту” юмора. Юмор ведь не прием, это начало творческого отношения к жизни. А воспитание чувства юмора в конечном счете воспитание свободы души. От острой фабулы можно порой и отказаться, от юмора — нет».

Эту главу мы начали с того, что я с чистым сердцем порекомендовала вам взять ручку и писать как бог на душу положит, быстро, без оглядки, чтобы за вами при всем желании не смог угнаться внутренний контролер. Но теперь, когда мы почувствовали, что канал творчества нам удалось в себе отыскать и открыть, когда творческая энергия хлынула и затопила все вокруг, приходит пора включать самоконтроль и начинать серьезнейшим образом работать над слогом.

А то может получиться, как у одного моего знакомого: он взял ручку, раскрыл тетрадь, сел, полностью расслабился, даже зажмурил глаза, чтобы не отвлекаться, и начал ждать, какие тексты продиктует ему божественная муза. Он тихо ждал, совершенно неподвижно, пока рука сама начала стремительно что-то записывать в тетрадь.

— В голове не было ни единой мысли, только рука строчила слово за словом. Я весь отдался этому автоматическому письму, — он рассказывал мне, — лишь время от времени вспыхивала надежда: рождается что-то гениальное. Вот так под диктовку свыше писали исключительно великие прославленные поэты вроде автора «Божественной комедии» Данте Алигьери: «Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу...»

Когда он открыл глаза в надежде прочесть шедевр, которому суждено покорить мир, то увидел тетрадный лист, сверху донизу исписанный словом «козел».

«Козел, козел, козел, козел, козел...» — он читал, потрясенный, не в силах поверить собственным глазам.

Из этого поучительного случая мы должны сделать вывод: когда ты собираешься что-то написать, не стоит быть ни слишком напряженным, ни слишком расслабленным.

В самом себе надо отыскать такую точку, где ты и напряжен, и расслаблен одновременно. Вы спросите: как так? Это нелогично. Однако творчество — настоящая магия, его природа неподвластна законам логики.

Ты тут и живописец, пишущий красками картину, ты и музыкант, озвучивающий эту картину, все чувства должны быть обострены — теперь в тебе работает какая-то безумно сложная машина, которая все пробует на вкус, на цвет, на запах и на осязание.

А чтоб этот образ стал окончательно ясен, приведу пример самой серьезной работы над текстом, какую я видела в своей писательской жизни. На семинаре у Якова Аким и Юрия Сотника начинающий поэт стал читать свой стих о ручье: мол, бежит ручеек и всем рассказывает, что кончается зима. Последняя фраза такая:

Голосил, звенел, журчал,
Что конец зиме настал!

— Ой, — вздыхал Яков Аким, — финал-то какой нехороший — тяжелый, многословный...

А Юрий Сотник:

— Яш, а может, так?

Рассказал и там, и тут,
Что настал зиме «капут»!

Все засмеялись, а Яков Аким — серьезно:

— Вот! Что-то вроде этого!

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

Проза:

Детские книги:

